

Анна Антонова

Планец мечты

Истории о первой
любви для девочек

Анна Антонова

Танец мечты

«ЭКСМО»

2013

Антонова А. Е.

Танец мечты / А. Е. Антонова — «Эксмо», 2013

Ира хотела попробовать себя везде, но у нее решительно ничего не получалось: ни петь в хоре, ни писать диктанты на уроках сольфеджио в музыкальной школе, ни кататься на коньках, ни танцевать. Словом, бесполезные старания. Но девушка не сдавалась – помогало упрямство, а еще чувство юмора, которое не раз выручало в трудных ситуациях: например, на сцене во время исполнения русских народных танцев или на катке, когда, спасая от падения, ее поймал жутко симпатичный парень...

© Антонова А. Е., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Анна Антонова

Танец мечты

© Антонова А., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Ноябрь в сердце

Маша с силой нажала на мое колено. Я терпела из последних сил, но все же не выдержала и вскрикнула.

– Ну что же делать, – сочувственно сказала она. – Надо нам уходить от прямых углов!

Она отпустила мою ногу, без сил плюхнувшись на коврик. Прямые углы! И это после титанических усилий, когда мне уже стало казаться, что наконец появился результат!

Растяжку я ненавидела всей душой и каждое занятие ждала ее как неминуемого наказания. Я не знала, какая сила заставляет меня продолжать эти пытки – добровольно и за мои собственные (то есть, конечно, родительские) деньги. За пятнадцать минут растяжки я уставала сильнее, чем за предыдущие полтора часа занятия.

С упражнениями, которые выполнялись самостоятельно, я худо-бедно справлялась без больших страданий – чувствовала, когда наступает предел моих возможностей, и вовремя останавливалась. Но одно упражнение было особенно изуверским – в нем принимали участие двое. Один ложился на спину, а второй садился на его ногу и выпрямлял другую. Вот в этот момент наша преподавательница и решила помочь Светке, недостаточно крепко, по ее мнению, державшей мою ногу.

– Занятие окончено, – наконец объявила Маша.

Я облегченно выдохнула, кое-как поклонилась и поплелась в раздевалку. Там я рухнула на скамейку – надо было переодеться и идти домой, но я не чувствовала в себе ни сил, ни желания. Из-за соседней вешалки послышался смех и приглушенные голоса девчонок:

– Вообще не гнется!

– Совсем деревянная!

Я очнулась и потянулась к пакету с вещами. Выяснить, обо мне ли это, не было ни малейшего желания.

На улице подморозило – когда я шла на занятия, асфальт был мокрым, сейчас же оказался совершенно сухим, как это бывает при резком похолодании, а лужи успели покрыться тонким прозрачным льдом, который хотелось со всей силы разбить каблуком.

Ноябрь – самый противный месяц в году. В октябре еще не очень холодно, с деревьев не облетели листья, да и трава кое-где проглядывает зеленая. То ли дело ноябрь, когда не хватает ярких красок, вокруг серо и мрачно: обнажившиеся ветки деревьев, голая земля с пучками пожухлой травы, дома и асфальт. А до декабря, когда везде белым-бело от снега и все украшено к Новому году, так далеко...

На душе у меня тоже был глухой ноябрь. Стоит ли мучиться и позориться? Я хожу на танцы третий месяц, другие девчонки уже довольно уверенно и красиво двигаются, а я даже не могу толком запомнить схему – последовательность движений, – не говоря о технике. И еще эта растяжка!

Конечно, меня не раз посещали мысли бросить это неблагодарное дело, останавливало только ослиное упрямство, на которое мне не раз пеняла мама. Если уж я чем-то занялась, то доведу до победного конца! По крайней мере, приложу максимум усилий. Нет, не то чтобы мне так важно научиться именно танцевать, а не, скажем, делать тройное сальто или прыгать с парашютом. Хотелось проверить, смогу ли я преодолеть себя, переступить через «не хочу» и «не могу». Иначе я бы перестала себя уважать...

Я хмыкнула – вот занесло! Столько красивых слов, а толку ноль. Только я и могу, что разводить демагогию... Стоп, в обратную сторону повело, вечно у меня так: или нездоровый энтузиазм, или полное уныние, среднего не дано!

По дороге до дома я основательно себя накрутила и решила – в следующий раз не пойду. Надо заняться чем-нибудь другим – тем, что будет у меня получаться. А иначе какой смысл ходить на занятия, которые приносят только страдания, разочарования и никакого удовольствия? Пойду на рукоделие или... повышение компьютерной грамотности!

– Как твои танцы? – поинтересовалась мама.

– Нормально, – отговорила я.

– Получается?

– Когда как... – избегая дальнейших расспросов, я поспешила укрыться в своей комнате.

Первым делом я подошла к окну. У нас во дворе готовилось неслыханное событие – открытие катка, и наблюдать за продвижением строительства вошло у меня в ежевечерний ритуал. Вначале с газона сняли и увезли на грузовиках грунт, потом засыпали предназначенную под каток площадку щебенкой. Теперь, прижавшись лбом к холодному стеклу, я смотрела, как рабочие заливают ее бетоном.

Жалко, я на коньках кататься не умею, даже ни разу не пробовала. Странно, лыжи в школе на физкультуре осваиваются весьма активно, а коньки позабыты и позаброшены. Может быть, катание на коньках считается более опасным и травматичным видом спорта? Не знаю, не знаю, на лыжах тоже можно упасть так, что костей не соберешь, особенно если с горки...

Может, бросить танцы и пойти в студию фигурного катания? Наверное, даже в моем «преклонном» возрасте еще не поздно. Конечно, я слышала: разные там знаменитые фигуристы-чемпионы говорили в интервью, что пришли на каток в пять лет, но я ведь не собираюсь крутить этот... как его... тройной тулуп...

– Ира, ужинать! – позвала мама.

Я выпрыгнула из своих фантазий и вспомнила, что не успела принять душ – только это могло успокоить измученные растяжкой мышцы.

На следующее занятие я все-таки пошла – предвидя возможный приступ малодушия, я предусмотрительно купила абонемент на месяц, и мне было жалко пропускать уже оплаченные занятия. Только отправилась я не на современные танцы, которые посещала ранее, а на народные – абонемент действовал на все занятия студии. Я питала надежду, что там будет полегче, и у меня наконец-то начнет получаться.

Конечно, смущало, что группа занимается с сентября и наверняка успела многое освоить, но с начала учебного года прошло не так много времени, притом я на своих современных танцах тоже приобрела некоторую подготовку.

Маша, преподавательница современных танцев, выглядела совсем девчонкой – нашей ровесницей. Возможно, поэтому я и не воспринимала ее как авторитет. На народных дело обстояло иначе: там занятия вела вполне взрослая тетенька с чудным именем Ясея.

Она приветливо поздоровалась со мной и спросила:

– Раньше чем-нибудь занималась?

– Да, современными в этой же студии, – ответила я.

– Хорошо, значит, опыт уже есть, – обрадовалась она. – Осваивайся потихоньку, надеюсь, тебе понравится, и ты у нас останешься.

Радужный прием несколько приободрил, и я устроилась в последнем ряду, подальше от зеркала и преподавательницы – нервировало, если кто-то стоял за спиной и мог видеть мои неуклюжие телодвижения. Правда, на меня никто не обращал внимания – девчонки болтали, смеялись, и я почувствовала себя в этой группе совершенно чужой. Кстати сказать, я

и на современных танцах ни с кем особенно не подружилась, ограничиваясь «приветом» при встрече и «пока» при расставании. Значит, все дело во мне и моей нелюдимости?

– Так, построились! – хлопнула в ладоши Ясея, прерывая мой приступ самокопания. – Разминка!

Разминка прошла довольно безболезненно – приятная музыка, легкие движения. А вот продолжение занятия заставило меня напрячься.

– А теперь растяжка! – объявила преподавательница. – Берем коврики и садимся на пол. Начинается! Никуда мне от несчастной растяжки не деться. За что боролись, на то и напоролись!

Однако мой пессимизм оказался преждевременным – ноги здесь никто не выкручивал, Ясея заботливо подчеркнула:

– Как можете, так и делайте, потихоньку, без резких рывков, а то можно сухожилия растянуть. Растяжка вырабатывается постепенно, лучше медленно, но верно.

В глубине души я горячо поддержала эти золотые слова. Наконец-то я нашла знающего и умного преподавателя!

Я думала, после растяжки мы наконец перейдем к основной части – собственно народным танцам, – но не тут-то было.

– Хореография! – объявила Ясея, снова нагнав на меня страха.

Только этого не хватало! Я ни разу не пробовала заниматься хореографией, и она навела священный ужас почище растяжки. Такого подвоха я никак не ожидала – спрашивается, где народные танцы и где хореография? Может, сбежать, пока не поздно?

Сбежать я не успела – Ясея распорядилась:

– Встаем к станочку и кладем ногу на верхнюю перекладину.

Только тут я заметила наличие в танцевальном классе этого пыточного орудия и обреченно поплелась к станку. Видимо, моя танцевальная карьера так и закончится, не успев толком начаться.

– Первый раз можно на нижнюю, – сжалилась она, наблюдая, как я безуспешно пытаюсь закинуть ногу чуть ли не выше своей головы.

Я немедленно воспользовалась ее любезным предложением, краем глаза отметив, что больше моему примеру никто не последовал. Ну и ладно, я же первый раз! Почти два месяца жесточайшей растяжки не в счет.

Оказалось, что очень даже в счет: вопреки моим мрачным прогнозам, я довольно легко сумела сделать необходимое количество наклонов к одной, а потом и к другой ноге. Мы еще немного помахали руками-ногами, когда разминочная часть, занявшая добрую треть занятия, наконец закончилась.

– Ну что, повторим двойные дробушечки? – предложила Ясея, уперев сжатые в кулаки руки в бока.

«Что?» – едва не вырвалось у меня. «Дробушечки» представлялись мне загадочными маленькими зверьками наподобие мышей, только непонятно, почему мыши двойные...

Довольно быстро выяснилось, что это просто-напросто дробы, которые надо «бить», – основные движения русского народного танца. То, что именно русского, стало для меня сюрпризом – я почему-то не задумалась над тем, какого народа танцы мы будем изучать.

Через некоторое время я поняла, почему они «двойные»: просто дробы – один удар ногой в пол, а двойные соответственно два. Несмотря на первое занятие, дробы я запомнила и воспроизвела довольно сносно, что меня несказанно обрадовало.

– Не подпрыгивай, – несколько остудила мой энтузиазм Ясея. – Движения, наоборот, должны стремиться вниз. Представь, будто ты что-то втаптываешь в пол.

Я представила, и дело пошло еще лучше.

В общем, с занятия я вышла уставшая, но не удрученная, как это обычно бывало раньше, без мыслей все бросить и никогда больше не переступить порога танцевальной студии. Конечно, поводов для эйфории было пока маловато, но я понимала – кажется, я нашла именно свое. На современные танцы я ходила через силу, преодолевая себя, поэтому у меня ничего не получалось, обрадованно поняла я. А стоило сменить стиль и направление, как все пошло на лад!

В таком радужном настроении я пришла домой и по привычке сразу направилась к окну: работы по строительству катка продвигались семимильными шагами. Рабочие уже заканчивали устанавливать бортики и теперь натягивали по периметру сетку – видимо, на катке планировались занятия хоккейной секции и надо было защитить невинных прохожих от встреч с пикирующей шайбой.

А может, мне хоккеем пойти заниматься? Интересно, туда девчонок берут?.. Осознав, куда меня занес полет мысли, я несильно стукнулась лбом об стекло. Надо же, хоккей! Почему бы мне для начала не научиться кататься на коньках, которых, заметьте, у меня нет?

Глава 2

Соль во второй октаве

Утром в школе мой взгляд зацепился за яркое объявление на стенде: «Новый набор в школьный хор! Прослушивание сегодня в 13.00 в актовом зале».

– Елина, что зависла? – окликнул меня проходивший мимо одноклассник Ерохин. – Хочешь в хор записаться? Давай, мы придем поржем!

– Иди ты... своей дорогой, – отмахнулась я.

Несмотря на задиристый характер и почти никогда не закрывающийся рот, Ерохин был представителем отряда «шут классный обыкновенный» и потому особой опасности не представлял. О том, что он выполнит свою угрозу и придет на прослушивание, тоже можно было не беспокоиться, ясно же, это обычный треп в стиле «что вижу, о том пою».

Проторчав у объявления, я едва не опоздала на химию – влетела в класс, когда учительница уже водила глазами по журналу, выбирая жертву для вызова к доске. Я водрузила сумку на стол и не успела опуститься на стул, как услышала:

– Елина!

Вот она, месть за опоздание! Так и не успев сесть, я вытянула из сумки дневник и направилась к доске.

– Виды растворов, – объявила химичка, и я облегченно вздохнула.

Тема совсем легкая, я ее даже не учила – запомнила на предыдущем уроке. Бодро отпартовав все, что знала, я вздрогнула от внезапной догадки: училка не успела рассказать нам об эмульсии и суспензии, велев прочитать о них в учебнике самостоятельно, а я этого не сделала!

– Следующий вид раствора – эмульсия... – неуверенно начала я, но химический бог вдруг смилостивился надо мной.

– Я вижу, что ты знаешь, – прервала меня училка. – Садись, пятерка.

Не веря своей удаче, я убралась на свое место, наконец-то села и шепотом поделилась с Ленкой, моей подругой и по совместительству соседкой по парте:

– Представляешь, эмульсию с суспензией я как раз и не знала!

– Дуракам везет, – философски отозвалась Ленка.

Я не обиделась, все еще пребывая в эйфории от своего неслыханного везения, и продолжала:

– Видела объявление о хоре? Давай пойдем, поприкалываемся?

Предлагать идти прослушиваться в хор на полном серьезе мне было как-то неловко.

– Пойдем, – неожиданно согласилась Ленка, и я вдруг вспомнила, что она пару лет назад окончила музыкальную школу.

Я тоже посещала сие славное образовательное учреждение целых четыре года. Поступила я туда совершенно самостоятельно – в нашу подготовительную группу детского сада пришли преподаватели и по очереди вызывали всех в актовый зал на прослушивание. Видимо, мои данные никого не поразили – меня приняли кандидатом. Я не понимала толком, что это значит, и была страшно довольна – дома с гордостью заявила: я поступила в музыкальную школу и теперь кандидат. Мама и бабушка надо мной посмеивались, но в сентябре послушно отвели в музыкалку – небольшое одноэтажное здание, старенькое, но очень уютное, со скрипящими деревянными половицами и окнами, выходящими в заросший садик.

Учиться мне нравилось, и бросать музыкалку я не хотела, хотя никаких успехов не делала. Целую четверть играла одну и ту же пьесу на специальности, на сольфеджио за музыкальные диктанты – когда задавали записать нотами сыгранную преподавательницей мело-

дию – не получала выше тройки, а на хоре, где мы разучивали итальянскую песню «Санта-Лючия», не смогла взять соль во второй октаве.

В итоге, когда хор стал готовить отчетный концерт, меня решили на него не брать. В конце урока учительница раздавала униформу – синий бант в белый горошек в комплекте с ленточкой, чтобы завязать его на шее поверх белой рубашки. Так, по замыслу школы, хор выглядел бы единым коллективом. Дойдя до меня, училка помедлила и прошла мимо со словами:

– А тебе еще рановато.

Какой я получила удар! К хоровому пению я была в общем и целом равнодушна, объектом моих мечтаний являлся бант, в котором мне ужасно хотелось показаться на сцене.

Я вышла из класса, от расстройства не замечая ничего вокруг, оглушенная и потерянная. Меня одну не взяли на отчетный концерт! Я пою хуже всех и недостойна даже выступления в хоре!

Дойдя до раздевалки, я решительно повернула обратно. Я этого так не оставлю! Вернувшись в класс, я робко попросила собиравшую ноты учительницу:

– Возьмите меня, пожалуйста, на концерт! Я буду очень стараться.

– Ну ладно, – махнула рукой она и выудила из пакета заветный бант: – Держи.

Вне себя от счастья, я поблагодарила ее и поскакала одеваться. Я все же покрасуюсь с синим бантом на шее! Вопрос неважных вокальных данных меня волновал мало.

Я благополучно выступила в белой блузке и пресловутом банте, вряд ли испортив своим неидеальным пением общее звучание, но зато очень порадовав пришедшую на концерт маму. А злосчастный бант постигла печальная участь: глядя его перед тем, как вернуть в школу, мама поставила утюг на слишком большую мощность и сожгла его. Мы аккуратно обрезаем обгоревший край и смотали бант так, чтобы ничего не было заметно. Я страшно переживала, но учительница собрала их не глядя, спасая меня от позора.

Так ни шатко ни валко я отучилась в музыкалке целых четыре года. В последний год моего посещения этого заведения мама поставила условие:

– Если экзамен по специальности в конце года сдашь на три, я тебя из музыкальной школы забираю. Какой смысл время терять, раз ты все равно заниматься не хочешь?

Заниматься я и правда не особенно хотела, но бросать школу – тоже. Я не поверила маминим угрозам и продолжила учиться в прежнем режиме, закономерно сдала экзамен по специальности на трояк и убедилась, что она вовсе не шутила! После состоявшегося скандала я в одиночестве гуляла во дворе и никак не могла понять – неужели я больше в музыкалку не пойду? А ведь совсем недавно мы с мамой покупали ноты...

Только одно воспоминание грело мое сердце – мальчишка, ходивший со мной в один класс на сольфеджио. Ни он, ни я не блистали идеальным музыкальным слухом, и мы, троечники, интуитивно старались убраться подальше от учительского пианино – за последний стол у шкафа. Так как сидеть мальчику с девочкой было некомильфо, опоздавшему приходилось устраиваться где-нибудь в другом месте.

У мальчишки имелось преимущество – в этом же кабинете он занимался специальностью, и опередить его в тот день было невозможно. Когда являлась я, он уже победно восседал за последним столом и с вызовом смотрел на меня оттуда. Отыгрывалась я на втором уроке сольфеджио в неделю – специально являлась пораньше, чтобы занять заветное место, и тогда наступала моя очередь торжествовать.

Однако сидеть за последним столом было так удобно, что вскоре мы с ним плюнули на школьные условности и садились рядом с тем, кто пришел раньше, вызывая удивленные взгляды и перешептывания девчонок. До обвинений во влюбленности дело не дошло, но повод для сплетен мы подарили серьезный, хотя все наше общение сводилось к списыванию во время

музыкальных диктантов. Но ни он, ни я толком не умели их писать, поэтому мы просто копировали друг у друга ошибки, за что нас потом здорово ругала учительница...

Вот такой у меня был не самый удачный опыт приобщения к музыкальному искусству. Видимо, в глубине души я чувствовала некоторую неудовлетворенность, поэтому и предложила Ленке посетить прослушивание – естественно, в порядке прикола. Представить себе, что кто-то из нашей школы явится записываться в хор добровольно и на полном серьезе, я не могла.

Однако когда мы после уроков заявили в актовый зал, я была неприятно удивлена. На первом ряду сидел народ – конечно, одни девчонки, – но никто и не думал прикалываться: все послушно подходило по очереди к тетеньке за роялем и пропевали сыгранные ею ноты и их сочетания. Мы устроились подальше от сцены, поближе к выходу, чтобы в случае опасности быстро убежать. Я чувствовала себя явно не в своей тарелке. Куда я попала? Сейчас меня и отсюда вышибут с позором...

– Может, пойдем? – шепотом предложила я, но было уже поздно – тетя нас заметила.

– Девочки в последнем ряду, – позвала она. – Хватит прятаться, идите сюда!

Мы нехотя подошли ближе. Ленка поднялась на сцену, непринужденно встала у рояля и блестяще исполнила все, что сыграла ей тетя.

– Хорошо, – похвалила та. – Кто у нас еще остался?

Поняв, что не осталось никого, кроме меня, я, как на заклинание, побрела к роялю. Первая же спетая мною нота показала – чуда не произошло, за прошедшие после музыкалки несколько лет я так и не научилась петь. Голос дрожал, и даже мне было слышно, что я безбожно фальшивлю.

– Неплохо, – уныло сказала тетя тоном, явно говорившим об обратном. – Ну что ж, один голос мне очень понравился, – она кивнула на Ленку. – А в целом молодцы, я никого отсеивать не буду, беру всех.

И тут от входа в актовый зал раздался мальчишеский голос:

– Я не опоздал?

– О, хоть один юноша появился! – обрадовалась хоровичка. – Пожалуйста, проходите, молодой человек!

– А с нами она по-простому, на «ты», – шепотом поделилась я с Ленкой.

Та только фыркнула.

– Сейчас наконец поприкалываемся! – я потерла ладони. – Представляешь, как он сейчас будет распеваться?

Но меня ждал облом.

– Правда, прослушивание уже окончено, – продолжала щебетать тетя за роялем, – но я и так верю, что у вас прекрасный голос и слух, иначе вы бы сюда не пришли!

– С какой стати? – громко возмутилась я, но Ленка толкнула меня локтем в бок, и я замолчала.

– Ты это слышала? – тихо осведомилась я и передразнила хоровичку: – «И так прекрасный голос!» А если ему медведь на ухо наступил?

– Зачем бы ему тогда приходиться? – резонно спросила подруга.

– По глупости или по приколу.

«Как я», – хотела добавить я, но вовремя умолкла.

– Дураком он не выглядит, – присмотрелась к парню Ленка. – Значит, или раньше музыкой занимался, или просто в себе уверен.

Я скользнула по новичку беглым взглядом, чтобы он не почувствовал к себе повышенного внимания, и обомлела: в реальной жизни я еще таких красавчиков не встречала, только на киноэкране! Классические черты лица римского legionера, тонкий взгляд холодных глаз, темные волосы чуть длиннее принятого довершали образ.

– А это вообще кто? – озадаченно пробормотала я. – Вроде я его раньше в школе не видела.

– Может, новенький? – предположила Ленка, но тут нашу увлекательную беседу прервал голос преподавательницы:

– На сегодня все свободны, жду вас завтра в это же время на первое занятие!

Я плелась домой, цепляя ногу за ногу. Почему я никак не открою, где зарылся мой талант? Вот и сегодня получила очередной щелчок по носу! За что ни возьмусь, ничего не выходит. Может, мне уже хватит пробовать то одно, то другое, а сосредоточиться на чем-нибудь одном? Но вдруг я выберу не то, что нужно? Скажем, оставлю танцы, а потом окажется, что я к ним катастрофически не способна? Или буду заниматься только пением, а потом меня не возьмут на концерт – понятно же, хор организуют не просто так, а для всяческих выступлений и прочей школьной показухи.

Нет, лучше я проверю свои таланты в разных областях, а потом выберу – останусь там, где будет лучше всего получаться. И там, где мне понравится, конечно! А то, скажем, прорежется у меня голос и слух, распоюсь я соловьем, а на хоре начнется такая тоска, что я сама сбегу без оглядки. Пока попробую все, а там видно будет.

В тот день мне никуда больше не надо было идти, и я провозилась с уроками до самого вечера. Я почти заснула над учебником истории – экономическое развитие стран Западной Европы в начале XX века, редкостная скукотень! – когда в окна вдруг ударил яркий свет.

Я подскочила на месте и ринулась к окну – так и есть, на катке врубили освещение. Не зря целую осень копали траншеи и прокладывали провода, разворотив весь двор. Но когда они успели его залить? Наверное, утром, пока я в школе была... Видимо, сидели наготове, только и ждали первого морозца.

– С такой иллюминацией ночью не заснешь, – проворчала я подошедшей сзади маме.

– Вряд ли каток будет работать по ночам, – успокоила она.

А на катке тем временем, как по взмаху волшебной палочки, появились первые посетители – и взрослые, и подростки вроде меня, и совсем детсадовцы.

– Такое впечатление, что все на низком старте стояли, – недовольно заметила я. – С коньками на изготовку.

– Конечно, – пожала плечами мама. – Видели, что каток скоро откроется, вот и готовились.

– Только мы не подготовились!

– Да, – вздохнула она. – Упущение! Обещаю исправиться.

– Не надо, – испугалась я, забыв, что недавно всерьез подумывала, не записаться ли в хоккейную команду. – Не хочу я ни на какой каток!

– А при чем тут ты? – делано удивилась она. – Может, я про нас с папой говорю.

Я изумленно уставилась на нее, не веря своим ушам.

– Вы пойдете на каток? – только и смогла выговорить я.

– А что такого? – обиделась она. – Мы, когда только познакомились, очень даже прилично катались! Или ты считаешь нас слишком старенькими?

– Ничего я не считаю, – смущенно пробормотала я. – Идите на свой каток, а меня оставьте в покое.

– Посмотрим, – махнула рукой мама, выходя из комнаты.

Я попыталась вернуться к английской промышленности начала прошлого века, но поняла, что прочитанное проскальзывает мимо моего сознания, и с досадой захлопнула учебник. Ноги сами несли меня к окну.

Хоть и спорила я с мамой, а на каток мне в глубине души очень хотелось. Я с завистью смотрела, как лихо рассекают по льду совсем маленькие детишки, и не верила, что смогу научиться так же. Впрочем, танцевать я тоже когда-то не умела...

«И сейчас не умеешь!» – ехидно заметил внутренний голос, но я отмахнулась от него и заставила себя вернуться к учебнику. Со всеми этими занятиями я школу на последнее место отодвинула, сегодня на химии чудом не опозорилась. Если бы химичка выяснила, что я в сус-пензиях и эмульсиях ни ухом ни рылом, светил бы мне трояк! А трояк по химии, в которой я и так не сильна, был бы особенно не в кассу.

«Так что, дорогая, танцы, песни и коньки – это, конечно, хорошо, но уроков тоже никто не отменял!» – бодро сказала я себе и, выкинув из головы каток, снова открыла учебник.

Глава 3

«В темном лесе»

– Идешь сегодня на хор? – едва ответив на мой «привет», деловито спросила Ленка на следующее утро.

– Сегодня? – вечером я допоздна просидела с историей и сейчас соображала туговато.

– Ну да, вчера же сказали – сегодня первое занятие.

– А я и не запомнила...

– Конечно, – вдруг ехидно заметила она. – Куда тебе, ты же была всецело поглощена рассматриванием таинственного незнакомца!

– Какого еще незнакомца? – в первый момент не сообразила я. – А, ты про парня этого? Да я тут же про него забыла, даже не сразу поняла, о ком ты говоришь! – стала слишком горячо оправдываться я.

– А я думала – все, Ира влюбилась!

– Тише ты!

Я в панике оглянулась, проверяя, не слушает ли нас кто-нибудь из одноклассников, а потом тихо заверила ее:

– Ни в кого я не влюбилась!

Ленка иронично посмотрела на меня, но спросила только:

– Так идешь сегодня на хор?

– Иду, конечно, – обреченно вздохнула я. – Куда ж я денусь?

После уроков мы вновь собрались в актовом зале во вчерашнем составе. Преподавательница, представившаяся Евгенией Петровной, сказала:

– Для начала я разделю вас на голоса. Как вам, наверное, уже известно из уроков музыки или занятий в музыкальной школе, в хоре несколько голосов, различающихся по высоте. В нашем случае, думаю, уместно деление на три голоса: первое сопрано – высокие голоса, второе сопрано – средние по высоте и низкие – альты.

Быстренько раскидав девчонок по первым и вторым голосам, она остановила взгляд на нас с Ленкой:

– А вы, девочки, будете петь третьим голосом. И юноша к вам присоединится. Кстати, как вас зовут, молодой человек?

– Иван, – солидно представился парень.

– Наши имена ее не интересуют, – тихо поделилась я с Ленкой.

– Конечно, – философски отозвалась она. – Запомни тут столько девчонок одновременно! А «юноша», – передразнила она, – один, с ним гораздо проще.

– Почему нас в третий голос определили? – поинтересовалась я у нее.

Она пожала плечами, и я догадалась самостоятельно: у Ленки на самом деле альт, красивый низкий голос – я слышала, как она поет под гитару, получалось у нее очень круто. С юношей Иваном тоже понятно – куда ж его еще девать, если ни тенора, ни баритона, ни баса в нашем хоре нет и не предвидится. А вот меня к ним засунули по банальной причине – чтобы я не портила звучание остальных, более высоких голосов! Среди низких затеряться проще... Так, стоп. С подобными мыслями лучше даже и не начинать заниматься. Раз решила и пришла, чего теперь ныть. Вдруг со временем что-нибудь получится.

– Распевка! – объявила хоровичка. – Строимся по голосам!

И началось – знакомые и надоевшие еще по музыкалке «а-а-а», «ми-ми-ми», «ля-ля-ля» и тому подобное. Правда, вскоре распевка закончилась, и мы начали разучивать первую песню.

– Русская народная песня «В темном лесе», – выбрала Евгения Петровна и незамедлительно исполнила нам эту композицию.

Сюжет песни поражал воображение: некая девушка посеяла «лен-конопель» почему-то «в темном лесе», он вырос, и повадился его клевать воробей, которому девица ощипала перья, чтобы он этого не делал.

По мере прослушивания мы начали хихикать, а под конец юноша Иван спросил:

– Может, не стоит нам это произведение исполнять? Наверняка же концерты будут, мероприятия всякие, а тут мы со своей коноплей!

– Как вам не стыдно? – возмутилась Евгения. – Это русская народная песня, текст сохранился на протяжении веков!

– Мое дело – предупредить, – вздохнул Иван.

И мы начали разучивать «лен-конопель». Слова оказались легкими – одни повторы, – поэтому мы их быстро запомнили. Евгения показывала партии по голосам, до нас очередь обещала дойти не скоро, и можно было пока расслабиться, благо мы стояли в последнем ряду.

– Давайте знакомиться, – шепотом предложил юноша Иван.

Поскольку его имя было нам известно, мы с Ленкой представились.

– Вы из какого класса? – продолжал расспросы он.

Ленка молчала, и мне пришлось ответить за нас обеих:

– 10-й «Б».

– Правда? – удивился он. – А я из 10-го «А», но вас раньше не видел.

Ленка по-прежнему молчала, и я опять ответила сама:

– Мы тебя тоже. Ты новенький?

– Да нет, просто я раньше в «В»-классе учился, а после девятого классы перестроили, и я в «А» попал.

Я кивнула – представители «В», «Г» или, боже упаси, «Д»-классов в параллели совершенно не котиrowались, поэтому до десятого мы их и не замечали. Однако странно – он стремительно поумнел после перехода в элитный «А» или оказался в «В» по недоразумению? В хор мог пойти или законченный ботаник, или очень уверенный в себе парень, которому плевать на то, что о нем подумают. Под первое определение наш новый знакомый явно не подходил, а вот второе... Второй вариант был ближе к истине, но кто знает, что там скрывается за сногсшибательной внешностью – может, глубоко закомплексованная личность, борющаяся таким образом с неуверенностью в себе?..

– Третий голос, хватит шушукаться! – повысила голос Евгения Петровна. – Слушайте свою партию!

Дома мама меня обрадовала:

– Мы сегодня с папой в «Ашан» заезжали, а там была распродажа коньков! Я тебе купила! Всего двести рублей, представляешь!

– Представляю, – кивнула я, почему-то не ощущая никакой радости.

Только коньков мне не хватает для полного счастья! Я неожиданно почувствовала такую усталость, что мне захотелось закрыться в своей комнате и упасть лицом в подушку. Вдруг я окажусь бездарной во всем и мои старания найти себя напрасны? Ведь искать можно очень долго и бесконечно пробовать – то лепку, то рисование, то художественную гимнастику, то мыловарение или валяние из шерсти...

Как, интересно, мама себе представляет мой выезд на коньках, которых я раньше даже вблизи не видела?

– Померяй, – словно прочитав мои мысли, предложила она, вытряхивая из пакета ослепительно-белые коньки.

– Какие красивые! – восхищенно уставилась я и тут же расстроилась: – А если мне не подойдут?

– Померяй, – повторила мама. – Их же с теплым носком надо носить.

Я осторожно всунула ногу в шаткий ботинок и осторожно выпрямилась:

– Вроде ничего...

– Палец упирается?

Я неуверенно пошевелила пальцами:

– Нет.

– Ну и хорошо, место для носка останется. Тогда собирайся и иди! – предложила моя импульсивная мама.

– Что, прямо сейчас? – испугалась я. – Я вообще-то только из школы. Даже не обедала, устала, еще на хор ходила...

Я запнулась, поняв, что проболталась, но маме этого хватило.

– Хор? – удивилась она. – А как же танцы? Не многовато тебе нагрузки? Уроки-то будешь успевать делать?

– Да, – ухватилась я за эту мысль. – Уроки еще надо делать! Коньки явно лишние!

– Коньки – это спорт, – отрезала мама.

– Спортom я на танцах занимаюсь, – угрюмо заметила я.

– В пыльном зале? – парировала она. – Совсем гулять перестала, на свежем воздухе не бываешь! Только в школу да из школы...

– С танцев на танцы, – подхватила я.

– Вот-вот.

– Мам, но я же кататься не умею, – заныла я, заметив ее решительный настрой.

– Все когда-то не умели, – философски заметила она. – Но как-то научились же.

– Они маленькими учились! – возмутилась я. – А тут приду я, здоровая дура, и буду на бортике висеть, людей смешить!

– У тебя гипертрофированное самомнение, – насмешливо заметила мама. – Тебе почему-то кажется, что всех в первую очередь интересует твоя персона. А люди в основном заняты собой и обращают очень мало внимания на окружающих!

– А мне кажется, что смотрят только на меня, – упрямо повторила я и про себя добавила: «Особенно когда что-нибудь не получается».

– Подумай об этом иначе, – посоветовала мама. – Ты сама много внимания обращаешь на других?

Я вынуждена была признать:

– Нет. Я думаю о себе: как я выгляжу да что обо мне подумают...

– На этом вообще заикливаться не стоит! На всех не угодишь и под всех не подстроишься.

– Ладно, уговорила, – проворчала я. – Схожу на каток, только вечером, когда народу поменьше будет.

В конце концов, что я теряю? Юноша Иван не постеснялся на хор прийти, а я боюсь отправиться на каток, где явно не встретишь суперпрофессионалов. Ладно, была не была.

Глава 4

На льду

Расправившись с уроками на удивление рано, я оделась «легко, но тепло», по маминому определению, положила коньки в старый рюкзак – пакет, в котором их принесли из магазина, оказался прорезан лезвиями – и с тяжелым сердцем отправилась на каток. Надо было хотя бы Ленку позвать для компании, а то одной как-то совсем грустно. Но теперь поздно возвращаться, к тому же я не удосужилась выяснить, имеются ли у подружки коньки и умеет ли она на них кататься. Впрочем, Ленка у нас талант, а талант талантлив во всем, так что наверняка умеет, и хорошо. Лучше мне пока без нее – чтобы не слишком убого смотреться на ее фоне.

Зайдя в калитку ограждения, я проследовала к домику, где над дверью висела вывеска «Раздевалка». Внутри оказалось теплое уютное помещение: в противоположной от входа стороне располагался буфет, посередине – прокат коньков и, собственно, раздевалка – несколько лавок и шкафчиков.

Вопреки моим ожиданиям, было довольно многолюдно – взрослых почти никого, только родители или бабушки-дедушки с маленькими детишками, а в основном наблюдались мои ровесники – старшекласники. Мне стало вдвойне не по себе – ух, сейчас опозорюсь! Хорошо, знакомых не видно. Правильно меня мама отправила на каток сразу после открытия – есть шанс подучиться кататься, пока народ не очухался и не повалил организованными толпами.

Сняв ботинки, я натянула коньки и начала их зашнуровывать. Процесс этот оказался длительным, так что я успела порядком утомиться. Надо было зашнуровать дома хотя бы до половины! В общем, не успела я до катка добраться, а уже устала...

Кое-как поднявшись на ноги, я постояла, проверяя свои ощущения, потом попробовала сделать несколько шагов к шкафчику – вроде ничего, пока дело не дошло до льда, на коньках вполне можно передвигаться мелкими шажками. Устроив пакет с обувью, я медленно направилась к выходу – от двери к катку вел специальный нескользящий коврик, поэтому я преодолела это расстояние вполне благополучно. У входа я застопорилась, создав небольшую пробку. Но не поворачивать же обратно! Ухватившись за бортик, я шагнула на лед одним, а потом вторым коньком и, естественно, остановилась, привыкая к новым ощущениям.

– Что замерла? Езжай давай, – раздался позади меня недовольный голос.

Я обернулась, стараясь не потерять равновесие, и взглянула на нахала: им оказался парень, чем-то неуловимо напоминающий юношу Ивана – мне в первый момент показалось, что это он и есть, я еще успела удивиться, когда он успел растерять свои изысканные манеры. Но нет, при ближайшем рассмотрении оказалось, что они даже не похожи – у Ивана глаза карие, волосы темные и лицо словно высеченное из камня, а у этого типа серые глаза, из-под шапки выбивается светло-русая челка и узкое лицо – об подбородок, казалось, можно порезаться. При том, глядя на Ивана, сразу понимаешь – красавчик! А к этому гражданину присмотреться надо, но при втором взгляде понятно – так, ничего особенного, серединка на половинку.

Все это пролетело у меня в голове за секунду, а вслух я возмутилась:

– Не могу я ехать!

Лицо парня смягчилось:

– Первый раз?

Я кивнула.

– На самом деле я тоже, – вдруг признался он. – Но уже пару кружков сделал и кое-что просек. Короче, ты сначала и правда просто постой на месте, только от входа отъедь...

Пока я пыталась осмыслить эти взаимоисключающие указания, парень подхватил меня под локоть и ловко отвез подальше.

– Ну вот, тут можешь потупить, – оригинально высказался он. – Постой для начала, потом на месте коньки опробуй. А я еще кружок сделаю.

И он довольно ловко поехал вперед. Я проводила глазами серую куртку и вздохнула: мне и не светит в первый же день так прокатиться! Последовав совету парня, я осторожно повозила ногами по льду – вроде ничего, держусь. Если не отцепляться от бортика, конечно.

– Ну как дела?

Я вздрогнула:

– Ты так не пугай, я же упаду!

– А ты держись, – посоветовал новый знакомый. – И попробуй немножечко поехать.

Я попробовала – естественно, не отцепляясь от бортика, и с удивлением поняла, что еду! Медленно, неуверенно, но все же продвигаюсь вперед.

– Колени согни, – услышала я недовольный комментарий. – На прямых ногах далеко не уедешь. А спину держи прямо, вперед сильно не наклоняйся.

Я смутилась – оказывается, парень наблюдал за мной! – и постаралась выполнить его указания.

– Так, теперь отталкивайся, – продолжал он. – Да не зубцом, а ребром, а то вперед через голову полетишь!

Я пока с трудом представляла, где у конька какая часть, но уже успела заметить – если упираться острыми зазубринами на носке, то резко тормозишь и действительно можно полететь головой вниз. Отталкиваться же ребром я боялась – меня неконтролируемо несло вперед, а свободного падения я боялась даже больше перспективы выглядеть в глазах нового знакомого неуклюжей коровой на льду!

– По очереди надо отталкиваться, – снисходительно пояснил он. – Сначала одной ногой, потом другой.

Несмотря на то что температура на улице была не выше нуля, я почувствовала, как у меня от напряжения взмокли волосы под шапкой. Парень, как назло, не уезжал, болтался рядом со мной, изредка профилактически придерживаясь за бортик.

– Надо было сначала теорию почитать, – нравоучительно заметил он. – Я несколько статей проштудировал о том, как на коньках кататься.

– Помогло? – пропыхтела я, стараясь выполнить его рекомендации.

– Как видишь. – Он отпустил бортик и довольно лихо поехал вперед.

Я безнадежно проводила его взглядом, выдохнула и продолжила свои упражнения. Уяснив, как отталкиваться, я рискнула отпустить руки и, балансируя, как канатоходец, немножко проехала вперед. Отдалаться от бортика я, конечно, не рискнула, но все же это показалось мне большим достижением!

Проехав с четверть круга, я оглянулась, проверяя, не нагоняет ли меня новый знакомый – за спиной его не было. Обведя взглядом весь каток, я убедилась, что его нет вообще!

Да, дела. Может, мне померещилось или я его просто выдумала, как маленькие дети выдумывают себе друга?..

Какой только бред не ползет в голову! Конечно, это я, романтическая мечтательница, едва познакомившись с парнем, молниеносно нафантазировала себе чуть ли не нашу свадьбу. Впрочем, мы и не познакомились вовсе, я ему мешала, вот он меня и подучил немного, чтобы не торчала на дороге...

Дальнейшее катание на коньках потеряло всякий смысл. Получается, я пошла на каток не кататься, а знакомиться с парнями, привлекая их внимание своим беспомощным видом? Да нет, чушь! Об этом я вообще не думала...

Окончательно запутавшись, я почувствовала, что от непривычного напряжения дрожат ноги, и решила – на первый раз достаточно. Хотя и имеется у меня приличный танцевальный

опыт, здесь, видимо, работали совсем другие группы мышц. Не говоря о том, что танцами мы занимались отнюдь не зимой на улице!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.